

*Уназо Хитобэ,
Фредерик Нор. иан*

ЯПОНСКИЙ ВОИН

Военное
искусство
Японии

Инадзо Нитобэ Фредерик Норман Японский воин

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=616405
Японский воин: Центрполиграф; М.; 2009
ISBN 978-5-9524-4119-4*

Аннотация

Первая часть этой книги посвящена бусидо – этическому кодексу поведения самурая в средневековой Японии. Именно бусидо дало начало традиционным японским ценностям, рассмотренным в контексте буддизма, синтоизма, конфуцианства, моральных принципов самураев и японских мудрецов; проведены параллели с традициями средневекового рыцарства, христианским и античным мировоззрениями. Во второй части рассказывается об истории формирования армии Японии, военных традициях страны, видах военных искусств, которыми владели японские воины: кэндзюцу, сумо, джиуджитсу. Книга будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Содержание

Часть первая	4
Введение	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Фредерик Норман, Инадзо Нитобэ Японский воин

Часть первая Этика самурая

*Моему любимому дяде Токитоси Оте,
который научил меня чтить прошлое
и восхищаться деяниями самураев,
посвящаю я эту скромную книгу*

*Петляет путь среди неровных скал,
И тот, кто на пути, не видит цели
И узкую тропу готов уж потерять.
Но тот, кто из долины взглянет,
Увидит ясную, понятную дорогу
От основанья вверх, до гребня гор.
Но что за щели и овраги
Прорезали распаханную землю
Со всех сторон, куда ни кинешь взгляд?
Быть может, те овраги суть мираж
И видимость для тренировки глаза,
Чтоб человека вере научить.*

Роберт Браунинг. Апология епископа Блугрэма

Существуют, если мне будет позволено так выразиться, три могущественных духа, которые, носясь над водами, дали толчок нравственному чувству в деятельности человека. Это духи свободы, религии и чести.

Хэллэм. Европа в Средние века

*Рыцарство – это сама поэзия жизни.
Шлегель. Философия истории*

Введение

Лет около десяти назад я провел несколько дней в гостеприимном доме известного бельгийского юриста, незабвенного месье де Лавеле, где во время одной из прогулок у нас зашел разговор о религии. «Уж не хотите ли вы сказать, – спросил уважаемый профессор, – что у вас в школах не преподают религии?» Услышав мой утвердительный ответ, он вдруг замер в изумлении и тоном, который мне будет нелегко забыть, повторил: «Не преподают религии! Как же вы воспитываете нравственность?» В ту минуту его вопрос поставил меня в тупик. Я не нашелся сразу, что ему ответить, поскольку знакомые мне с детства нравственные заповеди я узнал не в школе, и, лишь начав анализировать причины, сформировавшие мои понятия о добре и зле, я понял, что их в мою душу вложило бусидо.

В то же время непосредственное начало моей скромной книге положили частые вопросы, которые задавала мне жена, о том, почему в Японии господствуют те или иные идеи и обычаи.

В попытке удовлетворить любопытство господина де Лавеле и моей жены я пришел к выводу, что без понимания природы феодализма и бусидо нравственные представления современной Японии так и останутся тайной за семью печатями.

Воспользовавшись вынужденным из-за долгой болезни бездельем, я систематизировал некоторые ответы на эти вопросы, слышанные мной во время домашних разговоров, что теперь и представляю читателю. Главным образом это то, что мне говорили и чему меня учили в детстве, еще во времена феодализма.

Понимая значение трудов Лафкадио Херна и миссис Хью Фрейзер, а также сэра Эрнеста Сэтоу и профессора Чемберлена, трудно заставить себя написать что-либо о Японии по-английски. Мое преимущество перед ними лишь в возможности встать на место ответчика, тогда как эти почтенные авторы в лучшем случае могут быть лишь адвокатами и поверенными. Мне приходило в голову: «Имея литературный дар, равный их дарованиям, я защищал бы дело Японии куда красноречивее!» Но говорящий на чужом языке должен радоваться, если может хотя бы выразаться вразумительно.

На протяжении всего повествования я пытался иллюстри-

ровать каждый свой тезис аналогичными примерами из европейской истории и литературы, полагая, что так помогу иностранному читателю лучше разобраться в предмете.

Если же некоторые мои представления, касающиеся вопросов веры и религиозной практики, покажутся кому-то оскорбительными, надеюсь, что мое отношение к собственно христианству ни у кого не вызовет сомнений. Не само учение Христа, а лишь церковные методы, его затемняющие, не вызывают у меня симпатии. Я принимаю религию, которую он исповедовал, которую передал нам в Новом Завете. Более того, я верю, что Бог заключил Завет, который именуют Ветхим, со всеми народами: евреями и неевреями, христианами и язычниками. Что же касается прочих моих религиозных убеждений, то я не хотел бы дольше испытывать терпение читателя.

Заклучая предисловие, я желал бы выразить благодарность моему другу К. Хартшу за ценные советы.

Глава 1

Бусидо как этическая система

Рыцарство – цветок не менее исконный для японской земли, чем ее символ, цветок сакуры; и это не высушенный образец старинной добродетели, хранящийся в гербарии нашей истории. Для нас это все то же живое олицетворение силы и красоты; и даже если он не принимает осязаемой формы или очертаний, источаемое им благоухание духа нравственности не становится слабее и дает нам понять, что мы по-прежнему находимся под его мощным обаянием. Общество, которое взрастило и взлелеяло его, давно исчезло, но как те далекие звезды, что когда-то горели и погасли, но по-прежнему струят на нас свои лучи, так и свет рыцарства, детища феодализма, пережив породивший его миропорядок, продолжает освещать наш нравственный путь. Мне в радость размышлять об этом на языке Берка, автора знаменитой и трогательной эпитафии на полузабытой могиле его европейского собрата.

Лишь о прискорбном недостатке сведений касательно Дальнего Востока свидетельствует то, что даже такой эрудированный ученый, как доктор Джордж Миллер, не колеблясь утверждает, что рыцарство или иной подобный ему институт никогда не существовал среди народов Древнего или со-

временного Востока¹. Но это незнание вполне извинительно, поскольку третье издание книги любезного доктора увидело свет в том же году, когда коммодор Перри постучался в наши закрытые врата. Более десяти лет спустя, примерно в то время, когда японский феодализм сотрясали последние судороги предсмертной агонии, Карл Маркс в своем «Капитале» обратил внимание читателей на исключительные выгоды изучения социальных и политических институтов феодализма, какие можно было встретить в живом виде только в Японии. Таким же образом я бы рекомендовал западным ученым, занимающимся историей и этикой, изучить вопрос рыцарства в современной Японии.

Как бы ни соблазнительна перспектива произвести историческое сравнение европейского и японского институтов рыцарства в эпоху феодализма, не оно является целью моей книги, что делает излишними всевозможные подробности. Я предпочел бы рассказать, во-первых, об источниках и происхождении нашего рыцарства; во-вторых, о его характере и принципах; в-третьих, о его влиянии на массы; и, в-четвертых, о преемственности и непрерывности этого влияния. Первый из этих пунктов я рассмотрю лишь кратко, иначе мне пришлось бы далеко увести читателей по извилистым путям нашей национальной истории; на втором мы остановимся подробнее, так как наш образ мыслей и действий, ско-

¹ *Миллер Дж.* История с иллюстрациями из философии. 3-е изд., 1853. Т. 2. С. 2.

рее всего, заинтересует тех, кто занимается сравнительным изучением этических и моральных систем у разных народов; последние два пункта мы проанализируем в качестве выводов.

Японское слово, которое я лишь приблизительно перевел словом «рыцарство», в оригинале более выразительно, чем простое «всадничество»². «Бу-си-до» означает буквально путь воина – нормы поведения, которые воин благородного происхождения должен был соблюдать и в повседневной жизни, и на войне; одним словом, «рыцарский кодекс», nobless³ oblige воинского сословия. Позволю себе отныне пользоваться оригинальным термином, пояснив таким образом его буквальное значение. Кроме того, употреблять термин без перевода было бы желательно и потому, что столь замкнутое и уникальное учение, породившее столь своеобразный, столь самобытный образ мысли и характер, должно и в самом названии иметь знак своей исключительности; к тому же некоторые слова имеют национальный окрас, столь выразительный в отношении народных черт, что лучшие переводчики могут лишь отдаленно передать его, а скорее исказят, если не обезобразят. Кто улучшит переводом смысл немецкого Gemüt⁴, кто не почувствует разницы между двумя словами, столь тесно связанными по звучанию, как англий-

² Рыцарь (от нем. Ritter) – первоначально – всадник.

³ Положение обязывает (фр).

⁴ Душа, натура, нрав.

ское gentleman⁵ и французское gentilhomme?⁶

Бусидо, таким образом, является сводом нравственных принципов, которым были обязаны следовать благородные воины. Это не писанный кодекс; в лучшем случае это лишь несколько истин, передававшихся изустно или вышедших из-под пера знаменитого воина или мудреца. По большей части этот кодекс не имел ни устного, ни письменного выражения, но при этом обладал всей разрешающей и запрещающей силой настоящего документа, закона, запечатленного на скрижалях сердца. В его основе лежали не построения ума, даже самого одаренного, и не жизнь одного человека, даже самого прославленного. Рост бусидо органически проходил в течение жизни многих поколений воинов. Пожалуй, в истории этики бусидо занимает то же положение, что и английская конституция в истории политики, однако не имеет никаких параллелей с Великой хартией вольностей⁷ или Законом о неприкосновенности личности⁸. Правда, в начале XVII века было издано «Уложение о военных домах» (Букэ

⁵ Джентльмен, дворянин.

⁶ Дворянин, благородный человек.

⁷ Magna Carta Libertatum, или Великая хартия вольностей, большая часть которой посвящена установлению законности, правопорядка и гарантиям личных прав населения; стала впоследствии одним из основных конституционных актов Великобритании.

⁸ Habeas Corpus Act предписывает представление арестованного в суд в течение установленного срока для надлежащего судебного разбирательства и установления законности ареста; наряду с другими актами составляет основу английской конституционной практики.

Хатто), но в их тринадцати коротких главах речь в основном шла о браках, замках, кланах и тому подобных вещах, а о нравоучительных принципах говорилось лишь вскользь. Поэтому нельзя указать на конкретное место и время и сказать: «Здесь и сейчас возникло бусидо». И только потому, что оно становится общепринятым в период феодализма, можно отнести его происхождение к феодальной эпохе. Но как сам феодализм сплетен из множества нитей, так и бусидо разделяет его замысловатую природу. Как в Англии политические институты феодализма возникают после норманнского завоевания, так и в Японии зарождение феодализма произошло после прихода к власти Минамото Ёритомо в конце XII века. Однако как в Англии мы обнаруживаем элементы феодального общества еще в период, предшествовавший Вильгельму Завоевателю, так и в Японии зачатки феодализма существовали задолго до упомянутого периода.

Далее, когда феодализм формально установился как в Европе, так и в Японии, высшее положение в обществе, естественно, занял класс профессиональных воинов. Эти воины известны под именем самураев, что буквально означало то же самое, что и староанглийское *sniht* (английское *knight*, рыцарь), то есть телохранитель или сопровождающий, а по характеру напоминает нам *soldurii* (соратников), о которых пишет Цезарь, рассказывая об аквитанских кельтах, или *comitati* (двор), которые, согласно Тациту, в его времена следовали за германскими вождями, или, если провести па-

раллель с еще более поздними временами, *milites medii* (рыцарей), о которых можно прочесть в истории средневековой Европы. Сино-японское слово бу-кэ или бу-си (воины-рыцари) также вошло в общее употребление. Это был привилегированный класс, и, вероятно, сначала его составляли люди жестокие и суровые, для которых война стала источником заработка. Естественно, что за долгий период непрерывных войн он пополнялся самыми мужественными и дерзкими, а с течением времени, посредством отбора, из него уходили робкие и слабые, пока не осталась только, говоря словами Эмерсона, «обладавшая животной силой, грубая порода, мужественная до мозга костей», из чего сформировались роды и кланы самураев. Со временем они стали пользоваться уважением и огромными привилегиями, так что в результате на них легла большая ответственность, потребовавшая неких общих стандартов поведения, тем более что кланы постоянно находились в состоянии вражды. Как врачи ограничивают конкуренцию в своей среде, прибегая к профессиональной этике, как юристы заседают в судах чести, разбирая нарушения норм учтивости, так же и военные должны иметь некий критерий, необходимый для вынесения окончательных решений по поводу собственных проступков.

Война по правилам! Сколь многообещающие зачатки морали кроются в этой первобытной смеси варварства и детскости. Не это ли исток всех военных и гражданских достоинств? У нас вызывает улыбку детское желание (как буд-

то мы его переросли!) маленького британца Тома Брауна⁹ «оставить после себя имя человека, который не запугивал маленьких и не бежал от больших». Но кто же не знает, что на этом желании, как на краеугольном камне, можно возвести обширное здание нравственности? Позволит ли мне читатель пойти еще дальше и сказать, что самая кроткая и миролюбивая из религий разделяет это стремление? Желание Тома – это то основание, на котором покоится величие Англии, и стоит только задуматься, чтобы понять: бусидо стоит на не менее прочном пьедестале. Если сама по себе война, будь то наступательная или оборонительная, как справедливо утверждают квакеры, жестока и порочна, все же вместе с Лессингом мы можем утверждать: «Мы знаем, из каких недостатков вырастают достоинства»¹⁰. Трус и подлец – худшие оскорбления для здоровой, простой натуры. Ребенок, как и рыцарь, уже знаком с этими понятиями; но по мере усложнения жизни усложняются и они, детская вера в поиск

⁹ Герой книги «Школьные дни Тома Брауна» Томаса Хьюза.

¹⁰ Рескин был одним из самых мягкосердечных и миролюбивых людей, когда-либо живших на свете. И при этом он верил в войну со всем пылом приверженца деятельной жизни. «Когда я говорю вам, – пишет он в «Кроне дикой маслины», – что из войны развились все искусства, я также имею в виду, что из нее развились все высокие добродетели и способности человека. Мне очень странно и страшно было обнаружить это, но я увидел, что это совершенно неоспоримый факт... Я обнаружил, говоря вкратце, что все великие народы научились истинности слова и силе мысли на войне; что война их укрепляла, а мир ослаблял; что война их учила, а мир вводил в заблуждение; что война их воспитывала, а мир предавал; словом, что они родились на войне и угадали в мире».

ках одобрения высшей властью стремится к рациональному, чтобы найти в нем свое оправдание, удовлетворение и помощь в развитии. Если бы военный организм существовал сам по себе, без нравственной поддержки свыше, как далеко от благородства отошел бы рыцарский идеал! В Европе христианство, пусть даже в удобной для рыцарства интерпретации, облагородило его духовно. «Религия, война и слава – вот три начала совершенного рыцаря-христианина», – говорит Ламартин. В Японии у бусидо было несколько источников.

Глава 2

Источники бусидо

Я могу начать с буддизма. Он дает чувство спокойного доверия к судьбе, мирного подчинения неизбежному, стоическое самообладание перед лицом опасности или бедствий, пренебрежение жизнью и принятие смерти. Когда наилучший учитель фехтования видел, что его ученик овладел этим искусством в совершенстве, он говорил: «Отныне дзэн должен занять место моих наставлений». Дзэн – это японский эквивалент дхьяны¹¹, которая «представляет собой стремление человека посредством медитации достигнуть областей мысли за пределами словесного выражения»¹². Методом дзэн-буддизма является созерцание, а его целью, насколько я ее понимаю, постичь сознанием лежащий в основе всех явлений принцип и, если оно способно, самый абсолют, достигнув таким образом гармонии с ним. В таком определении дзэн перестает быть догматом одной секты, и тот, кто достигает восприятия абсолюта, поднимается над повседневным миром и пробуждается к «новому небу и новой земле».¹³

¹¹ Дхьяна (санскр. «сосредоточение, созерцание») – медитативное состояние.

¹² Херн Л. Экзотика и ретроспективы. С. 84.

¹³ См.: «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали» (Откр., 21: 1).

Чего не смог дать буддизм, того в изобилии хватало в синтоизме. Такой верности сюзерену, такому почтению и сыновнему благоговению перед памятью предков не учит ни один другой символ веры, и синтоистское учение придало покорность высокомерному характеру самурая. В теологии синто нет места догмату «первородного греха». Напротив, она исповедует изначальную доброту и богоподобную чистоту человеческой души, поклоняясь ей как святая святых, откуда глаголют божественные оракулы. Всякому, кто бывал в синтоистских храмах, бросалось в глаза, что в них нет объектов поклонения и предметов для совершения ритуалов, а самым заметным предметом обстановки является простое зеркало. Присутствие этого предмета объяснить легко: зеркало символизирует человеческое сердце, в котором, если оно безмятежно и чисто, отражается божественный образ. Поэтому когда вы стоите перед святилищем, чтобы совершить поклонение, вы видите свой собственный образ, отраженный на мерцающей поверхности зеркала, и акт поклонения сводится, по сути, к древнему дельфийскому велению: «познай самого себя». Но ни в греческих, ни в японских учениях самопознание не подразумевает постижение физической составляющей человека, его анатомии или психофизики; это должно быть нравственное постижение, интроспекция нашей моральной природы. Моммзен, сравнивая греков и римлян, говорит, что греки, поклоняясь богам, поднимали глаза к небу, ибо их молитва была созерцанием, тогда как римляне покрывали

голову, ибо их молитва была размышлением. Подобно римской концепции религии, наше размышление, по существу, выдвинуло на первое место не столько нравственное, сколько национальное сознание личности. Свойственное ему преклонение перед природой внушило нашим сокровенным душевным порывам любовь к стране, а культ предков, который прослеживается на протяжении многих поколений, придал императорскому роду статус первоосновы всего народа. Для нас страна – не просто земля, где можно добывать золото или сеять пшеницу, это священное обиталище богов, духов наших предков; для нас император – не просто глава законного государства или даже не покровитель культурного государства, это телесное воплощение божества на земле, слившее в своей личности его силу и милость. Если, как я полагаю, правдой является то, что Бутми¹⁴ говорит об королевской власти в Англии, – а именно, что это «не только образ власти, но и основа и символ национального единства», – то вдвойне и втройне это верно для японской императорской власти.

Принципы синтоизма поддерживают две главные черты эмоциональной жизни нашего народа – патриотизм и верность. Артур Мэй Нэпп справедливо говорит: «Читая еврейскую литературу, часто трудно сказать, говорит ли автор о Боге или об Израиле, о Небе или об Иерусалиме, о Мессии

¹⁴ Бутми Г. Англичане. С. 188.

или о самом Народе»¹⁵. Подобную зыбкость можно заметить и в наших национальных верованиях. Я назвал это зыбкостью, так как основывающийся на строгой логике интеллект сочтет ее таковой из-за словесной двусмысленности; и все же, являясь каркасом национального сознания и народных чувств, она никогда не претендовала на роль систематизированной философии или рациональной теологии. Эта религия – или было бы вернее сказать, народные чувства, которые эта религия выражает? – насквозь пропитала бусидо верностью сюзерену и любовью к стране. Это скорее импульс, чем оформленная доктрина, ибо синтоизм, в отличие от средневековой христианской церкви, практически не говорил своим приверженцам, во что им верить, но лишь давал простые и ясные указания, как им поступать.

Что касается чисто этических доктрин, то самым плодотворным источником бусидо было конфуцианство. Его толкование пяти моральных отношений между хозяином и слугой (правителем и управляемым), отцом и сыном, мужем и женой, старшим и младшим братом, а также между другом и другом лишь подкрепило то, что было прочувствовано народным инстинктом еще до того, как учение Конфуция появилось в Японии. Спокойный, благожелательный и житейски мудрый характер его политико-этических принципов особенно подходил самураям, из которых состоял правящий класс. Его аристократический и консервативный тон полно-

¹⁵ *Нэнн А.М.* Феодалная и современная Япония. Т. 1. С. 183.

стью отвечал требованиям этих воинов и государственных деятелей. После Конфуция огромное влияние на бусидо оказал Мэн-цзы. Его убедительные и часто весьма демократические теории обладали большой притягательностью для близких по духу натур, так что даже стали считаться опасными и даже губительными для существующего общественного порядка, почему его труды долгое время осуждались. Тем не менее речения этого выдающегося ума нашли вечное пристанище в самурайских сердцах.

Сочинения Конфуция и Мэн-цзы стали основным руководством для молодежи и высочайшим авторитетом в спорах между старейшими. Однако простое знакомство с классическими трудами этих двух мудрецов не было в большом почете. Человека, который лишь умом знает аналекты Конфуция, одна известная поговорка высмеивает как вечно прилежного, но глупого ученика. Один типичный самурай называет знатока литературы «книжным пьяницей». Другой сравнивает ученость с дурно пахнущим овощем, который надо долго варить, прежде чем съесть. Мало читающий человек пахнет педантом, а много читающий смердит; оба они одинаково неприятны. Здесь автор имеет в виду, что ученость становится истинным знанием, только когда усваивается разумом изучающего и проявляется в его характере. Интеллектуал представляет собой заводную машинку. Сам интеллект рассматривался как подчиненный этическим нормам. Человек и Вселенная полагались однородными духовно и этиче-

ски. Бусидо не могло согласиться с мыслью Гексли о том, что космический процесс исключает нравственность.

К знанию самому по себе бусидо относилось без уважения. Оно не является целью самой по себе, но средством достижения мудрости. Поэтому того, кто останавливался не доходя до этой цели, считали простым автоматом для выдачи стихов и сентенций по первому требованию. Таким образом, знание не отделялось от его практического применения в жизни; и эта сократовская доктрина нашла наилучшее развитие у китайского философа Ван Янмина, который не устал повторять: «Знать и поступать – это одно и то же».

Позвольте мне здесь слегка отклониться от основной темы, так как учение этого мудреца оказало огромное влияние на некоторых благороднейших представителей буси. Западный читатель легко заметит в его писаниях параллели с Новым Заветом. Принимая во внимание различия в терминологии обоих учений, новозаветную мысль «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»¹⁶ можно найти у Ван Янмина едва ли не на каждой странице. Его японский ученик¹⁷ говорит: «Повелитель земли и небес, всех живых существ, обитающий в сердце человека, становится его умом (кокоро) и так оживляет и освещает ум», и далее: «Духовный свет нашей сущности чист и не подчиняется человеческой воле. Он стихийно возникает в нашем уме

¹⁶ Мф., 6: 33.

¹⁷ Мива Сиссай.

и показывает, что хорошо, а что плохо; тогда он называется совестью. Это тот свет, что исходит от Бога небесного». Как эти мысли похожи на те, что можно найти у Исаака Пенningтона и других философов-мистиков! Я склонен думать, что японский ум, как он был выражен в простых догматах синто, был как никакой другой способен принять принципы Ван Янмина. Он довел свою доктрину непогрешимости совести до крайнего трансцендентализма, приписав ей способность различать не только между добром и злом, но и распознавать природу психических и физических явлений. В идеализме он зашел так же далеко, и даже еще дальше, чем Беркли и Фихте, отрицая существование вещей вне человеческого познания. Хотя системе Ван Янмина и присущи все логические ошибки солипсизма, она тем не менее обладала большой силой убеждения, кроме того, невозможно отрицать ее нравственное значение в развитии личности и достижении бесстрастия.

Таким образом, каковы бы ни были источники бусидо, те основные принципы, которые оно переняло от них и ассимилировало в себе, были просты и немногочисленны. Но и таких простых и немногочисленных принципов оказалось достаточно, чтобы создать правила безопасного поведения в повседневной жизни даже в ту опасную эпоху величайшей смуты в истории нашей страны. Цельная, безыскусная натура наших предков-воинов духовно насыщалась из скромного хранилища банальных и обрывочных поучений, подо-

бранных на путях и тропах древней мысли, и под действием требований эпохи создала из этих разрозненных лоскутов новый и уникальный тип мужчины. Мазельер, проницательный французский ученый, таким образом резюмирует свои впечатления от Японии XVI столетия: «К середине XVI века вся Япония погрузилась в хаос, правительство, общество, религия. Но междоусобная война, возвращение к варварским нравам, когда каждый вынужден по *собственному разумению осуществлять правосудие*, – все это создало человеческий тип, сравнимый с итальянским человеческим типом XVI века, который Тейн хвалит за «энергичную предприимчивость, привычку быстро принимать решения, бросаться в отчаянные предприятия, умение действовать и страдать». В Японии, как и в Италии, «грубые нравы Средневековья» превратили человека в великолепное животное, «воинственное и стойкое в своем основании». Именно в XVI веке в максимальной степени проявилось основное качество японского народа – огромное разнообразие умов (esprits) и темпераментов. В то время как в Индии и даже Китае люди главным образом различаются активностью или умственными способностями, в Японии они различаются и своеобразием характера. Индивидуальность является признаком высших рас и развитых цивилизаций. Если воспользоваться любимым выражением Ницше, можно сказать, что «Азия, говоря о ее народах, – это равнина; а между тем Япония, как и Европа, прежде всего предстает перед человеком в виде

гор».

Обратимся же теперь к стержневым качествам тех людей, о которых пишет Мазельер. Я начну с праведности.

Глава 3

Праведность или справедливость

Здесь мы находим основной принцип самурайского кодекса. Для самурая нет ничего более отвратительного, чем закулисные интриги и бесчестные махинации. Понятие праведности может быть неверным – оно может быть узким. Один знаменитый буси определяет ее как силу решения: «Праведность есть способность принимать решение относительно образа действий согласно с разумом, без колебаний: умереть, когда нужно умереть; нанести удар, когда нужно нанести удар». Другой воин говорит об этом в таких словах: «Праведность – это кость, придающая крепость и статность телу. Как без костей голова не может удержаться на позвоночнике, руки не могут двигаться, ноги стоять, так без прямоты ни талант, ни учение не может сделать из человеческого остова самурая. А с нею отсутствие талантов ничего не значит». Мэн-зцы называет человеколюбие умом человека, а праведность или добродетельность – его путем. «Как прискорбно, – восклицает он, – сойти с пути и не вернуться на него, потерять ум и не знать, где его найти! Когда люди теряют домашнюю птицу или собак, они знают, как искать их, но когда люди теряют ум, то не умеют его найти». Разве мы не видим здесь, «как сквозь мутное стекло», поучительную притчу, рассказанную триста лет спустя в другом

краю и другим Учителем, более великим, который назвал себя путем праведности, через который обретено будет потерянное?¹⁸ Но я отклонился от темы. Праведность, по словам Мэн-цзы, это прямой и узкий путь, по которому должен отправиться человек, чтобы вернуться в утраченный рай.

Даже на закате феодализма, когда продолжительный мир привнес досуг в жизнь военного сословия, а вместе с ним возможности развлечения и совершенствования в изящных искусствах, эпитет *гиси* (праведный человек) считался почетнее любой другой похвалы, подразумевающей обширные познания или достижения в каком-либо из искусств. Сорок семь верных, занимающих столь почетное место в нашем народном образовании, известны в разговорной речи как сорок семь гиси.

В те времена, когда коварная уловка считалась ратным умением, а откровенная ложь военной хитростью, это достоинство мужества, честное и прямое, сияло ярким светом, как драгоценнейшее из сокровищ. Праведность – сестра доблести, еще одного воинского достоинства. Но прежде чем перейти к доблести, позвольте мне задержаться на одном качестве, которое я мог бы назвать производным от праведности. Сначала оно лишь немногим отличалось от своего источника, но все более и более отдалялось от него, пока не стало означать в обычном представлении нечто совсем иное.

¹⁸ «Иисус сказал ему: «Я есть путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин., 14: 6).

Я говорю о гири, что буквально означало «справедливый довод», но со временем приобрело значение некоего смутного чувства долга, выполнения которого ожидало от человека общество. В своем изначальном, беспримесном смысле гири означало обязанность, ясную и простую, поэтому мы говорим о гири по отношению к родителям, начальникам, подчиненным, обществу в целом и так далее. В этих примерах гири – это долг; ибо чем еще является долг, как не тем, что справедливость требует от нас в каждом нашем поступке? Не должен ли справедливый довод быть нашим категорическим императивом?

Первоначально гири означало не более чем долг, и я позволю себе заметить, что причина его возникновения заключается в том, что хотя единственным мотивом наших поступков, например по отношению к родителям, должна быть любовь, но из-за недостатка любви необходим авторитет, внушающий сыновнюю почтительность; именно этот авторитет был сформулирован в понятии гири. Это действительно так, поскольку, если любовь не побуждает человека к добродетельным поступкам, на помощь приходит разум, и его доводы весомее для человека в его стремлении поступать правильно. То же относится и к любым другим нравственным обязательствам. Когда долг становится обременительным, в действие вступает разумный довод и не дает нам нарушить его. Гири, понятое подобным образом, является суровым надсмотрщиком с розгой в руке, заставляющим лентяев

выполнять то, что должно. В этике это сила второго порядка; в качестве побудительного мотива она бесконечно уступает христианскому учению любви, что и должно быть непрекаемым законом. Мне представляется, что гири есть продукт условий искусственного общества, общества, в котором случайности рождения и незаслуженные благодеяния установили классовые различия, в котором семья являлась общественной единицей, где старшинство возраста имело преимущество перед превосходством таланта, где естественные привязанности часто должны были склоняться перед произвольными, созданными человеком обычаями. В силу самой этой искусственности гири со временем выродилось в необъяснимые представления о правильности поведения, исходя из которого отвергают одно и одобряют другое, – например, почему мать, если потребуется, должна пожертвовать всеми детьми ради спасения первенца, или почему дочь должна продать себя, чтобы выручить деньги на выплату долгов промотавшегося отца. Будучи разумным началом, гири, как мне кажется, порой скатывалось до казуистики и даже выродилось в трусливую боязнь осуждения. Я мог бы повторить о гири то, что Вальтер Скотт говорил о патриотизме: «Будучи самым прекрасным человеческим чувством, он является в то же время и подозрительной личиной других чувств». Выйдя за пределы доводов рассудка, понятие гири чудовищно исказилось. Оно пригрело под своим крылом всевозможные софистические ухищрения и лицемерие. Оно бы легко превра-

тилось в рассадник трусости, если бы бусидо не содержало в себе острого и настойчивого стремления к мужественности, переполнялось бы духом дерзания и выдержки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.